

Россия. - 2003 - 11 сент. - с. 24 - 25

Мучительно неотразимый

Владимир Преображенский

Обаянию этого человека нет предела. Он может себе позволить петь сколь угодно замудренные тексты, переделывать аранжировки старых песен до блеклой неузнаваемости — ему простят все. Есть необъяснимая магия в этом тембре голоса, выводящая «Я хочу быть с тобой», «Гуд бай, Америка», «Тутанхамон», в этих насулпленных бровях, от которых не перестают трепетать восторженные поклонницы.

От Бутусова ждешь сюрпризов. После окончательного распада в 1997-м «Наутилуса Помпилиуса» он давал и сольные концерты под гитару, создавал красочное шоу с «Лицедеями» и детским хором, экспериментировал с электронщиками «Deadушками».

Но понял, что без группы все же не обойтись. Так возник «Ю-Питер», выпустивший на днях первый полноценный альбом — «Имя рек». Сотратниками Вячеслава Бутусова по новому коллективу стали Георгий Каспарян (бывший гитарист «Кино»), Олег Сакмаров (ex-«Аквариум», «Наутилус Помпилиус») и молодой питерский барабанщик Евгений Кулаков.

— Что унаследовал «Ю-Питер» от «Наутилуса»?

— «Наутилус Помпилиус» был создан в таких условиях, когда мы занимались самодеятельностью. И это просто перешло в такую хроническую стадию, в то, что называется профессиональной деятельностью. А в данном случае я осознанно сделал предложение музыкантам с целью создать коллектив, который, в общем-то, лишен всяких амбиций. В силу того, что все эти люди на этой кухне, то есть на сцене, уже много лет. После того как «Наутилус» прекратил свое существование, у меня был перерыв. И эти три года я обдумывал: нужно мне этим заниматься или нет? Если нужно, то зачем? Если зачем, то в каком виде? И пришел к выводу, что нужно объединить усилия мои и Георгия Каспаряна. Дальше уже возник вопрос о том, что должен быть какой-то состав. Нашелся барабанщик. И совершенно каким-то мистическим образом появился флейтист Олег Сакмаров.

— Создание группы «Ю-Питер» началось с череды довольно неприятных ваших экспериментов с Георгием Каспаряном. На тот момент вы общались с группой художников и поэтов, которые в этом процессе приняли активное участие, но сами их фигуры остались как-то в тени. Сергей де Рокамболь, Евгений Головин — что это за люди?

— Ну, это такая группа творческая. У них своего рода объединение было под названием «Драконовы ключи». И де Рокамболь привлекал их для участия в нашем первом проекте «Незаконнорожденный Доктор Фаустус Пернатый змей». Во втором проекте — «Звездный план» я уже был опосредованным участником. Только исполнял вокальные партии уже готового материала. А «Пернатый змей» мы делали совместно.

О роли сказок

— Новые песни стали очень отстраненными, очень символическими. Откуда это возникло?

— А это, я думаю, от слабодушия, от внутренней неуверенности. Потому что, когда человек уверен, он открыто и просто обо всем говорит. А тут в силу многих обстоятельств, в том числе социальных, выработалась такая вот за-

щитная реакция у меня. Не могу я влюбленные вещи говорить. Вообще я сторонник всевозможных парадоксов, голловоломов, словообразований мудреных. Мне интересно этим всем заниматься. Очень люблю Борхеса по этой же причине, мне это близко все.

— А своими дочерями вы часто загадываете да сказки рассказываете?

— Ну, в общем-то, поскольку у меня три дочери, то есть богатый опыт по прочтению или по переложению каких-то сказок. Но я человек неимпровизиационного характера. Я не могу вот так сразу сесть и что-то сочинить.

— Если бы вам предложили сняться в кино, причем не в эпизоде, как уже было в том же фильме «Брат», а сыграть главную роль, какой жанр картины был бы для вас предпочтительнее — комедия, драма или, может быть, боевик?

— Думаю, что комедия, сказка — что-то такого типа. По крайней мере что-то отстраненное от действительности. Это интереснее. Потому что там есть какие-то неожиданности. А боевик — это же сплошная предсказуемость, жесткая прагматичность.

О нелегкости бытия

— Вячеслав, когда вы выходите на сцену, у вас часто бывает достаточно обреченный вид...

— Бывает иногда. Но я пытаюсь с этим бороться. Часто накапывает состояние, когда непонятно: зачем я здесь, что я здесь делаю? Образ Ипполита такой (смеется). Есть люди, которые могут создавать определенную атмосферу, в том числе и на сцене, в определенном радиусе своего действия...

— Вы себя к таковым причисляете?

— Иногда я могу это делать. Но для этого должно быть какое-то легкое ощущение жизни, без напряжения. А когда я не чувствую этого, то я стараюсь как-то самоустраниться, чтобы никто не страдал от моего самоощущения.

— Находясь на сцене, да еще в роли солиста, это не так — просто.

— Да, поэтому на концерте я стараюсь свести к минимуму свои функции. Вообще, если бы на сцене меня посадили бы в какую-нибудь кабину или транслировали бы из какого-нибудь другого места, это было бы идеально. Я концерт воспринимаю как общественную нагрузку.

Об интуиции

— За последние 5 лет ваша творческая жизнь выделяет лихие зигзаги. Вы экспериментируете со стилями и жанрами. Чем руководствуетесь вы в принятии таких решений — логикой или полагаетесь на интуицию?

— Мне хотелось бы развивать в себе такую, так сказать, женскую способность, как интуиция. Но если женщинам это дано от природы, то мужчине

приходится в себе развивать, вырабатывать это качество.

О разнице между конвейером и азартом

— Почему так быстро вы бросали все едва нарисовавшиеся затем — альянс с «Deadушками», программу «Бибигони»?

— Сам по себе эксперимент ведь и заключался в том, чтобы сделать это один раз, и все. Я сторонник одноразовых проектов, а не конвейеров.

— Вы производите впечатление замкнутого человека. Насколько это так, любите ли вы одиночество?

— Поскольку я человек инертный, но впадающий в крайности, то я либо замкнутый, либо открытый. С большим трудом прихожу в равновесие. Может быть, потому, что я вдобавил себе, что и Весы и, значит, в каком-то перфекционистском смысле должен добиваться равновесия. Но в целом — если я чувствую, что неуместен со своей открытостью и открытостью, то просто ухожу.

— Вы азартный человек?

— В целом, думаю, нет. Но я могу увлечься. Если мне что-то интересно, могу заниматься этим делом без сна, без еды.

— Это касается и работы над альбомами? Вот последнего, например, «Имя рек»?

— Для этого альбома я писал изначально очень много материала. А потом включил внутреннюю цензуру и стал отбрасывать все, что имело ненужный, эпатажный, менторский характер. В других альбомах я позволял себе больше спонтанного. А вообще процесс написания материала происходит у меня постоянно. И тексты создаются без музыки, и музыка без слов, и все вместе. А потом я отбираю тот материал, который у меня уже готов. И, как правило, на этом этапе рождаются новые идеи.

О целесообразности памятников

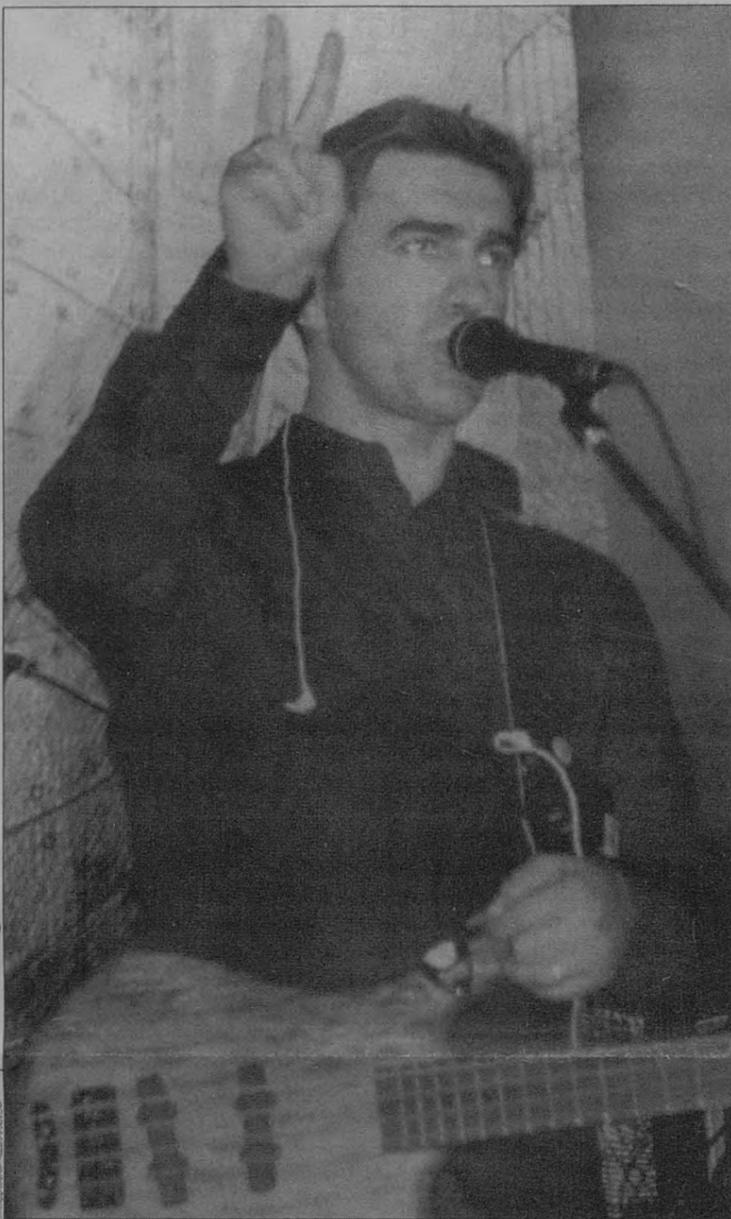
— Испытываете ли вы к себе такое же повышенное внимание фанатов, как и во времена «Наутилуса»? Телефоны обрывают?

— Если грубо выражаться, то психов стало меньше. И я этому очень рад. Есть люди, которые звонят по делу и уместно, но есть те, которые просто досаждают, им доставляет удовольствие трепать нервы близким, родственникам. Но это паранойя уже!

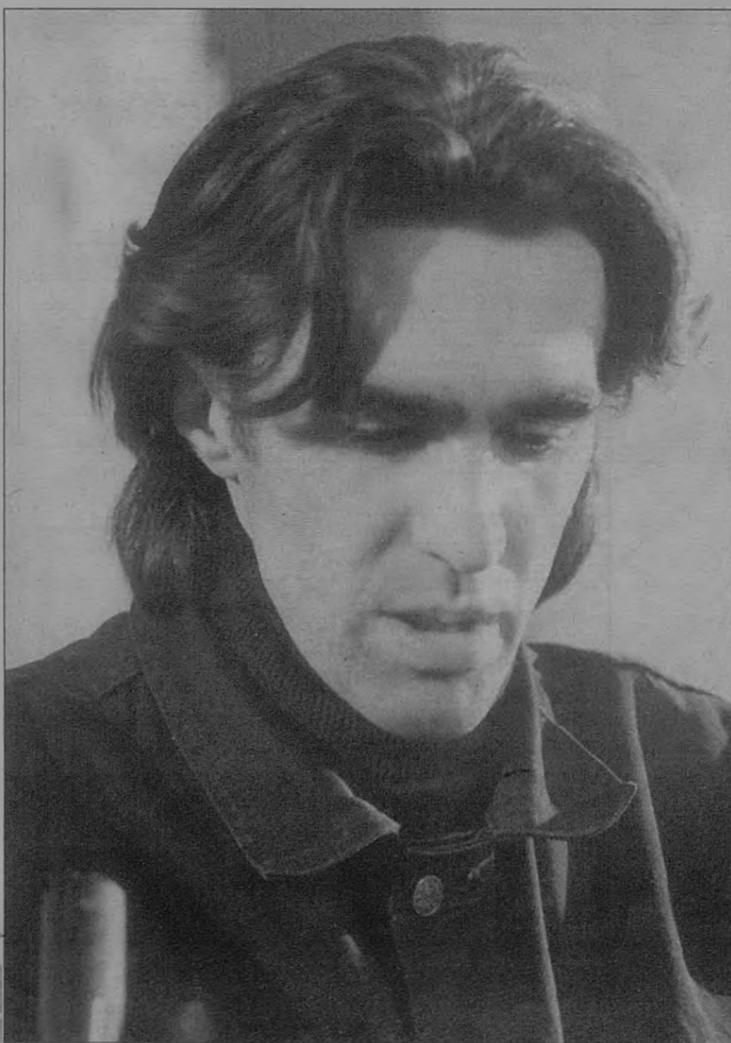
— Таких много было вокруг вас?

— С этим нужно смириться. Но при этом стоит ограждать себя от них. Это такая разновидность паразитов, которые скапливаются вокруг определенных мест. У них нюх, из кого можно пососать.

— По образованию вы архитектор, поэтому вопрос специальный. Многие фанаты вас любят. Если бы они задались целью поставить вам памятник при жизни, каким бы вы хотели его видеть, из какого материала?

2002 год. В «Ю-Питере» Бутусов стал играть на бас-гитаре

1990 год. На съемках клипа «Все это рок-н-ролл»

Бутусов Вячеслав